

*И.В. Лоткин***Проблемы формирования поселений
прибалтийских народов в Сибири в XIX – начале XX в.**

Ключевые слова: прибалтийские поселенцы в Сибири, лютеранские колонии, добровольное переселение, социальная структура, формы ведения хозяйства.

Key words: Baltic settlers in Siberia, Lutheran colonies, voluntary migration, social structure, forms of management.

Первые ссылки лютеранского вероисповедания появились в Сибири еще в середине XVIII в. Во времена правления Елизаветы Петровны, а позднее Петра III и Екатерины II в Тобольском центре находились сосланные шведы и финны. Появлению же первой лютеранской колонии в Сибири содействовал указ императора Павла I о заселении Забайкалья уголовными преступниками, изданный в 1799 г. [1, 36375 сл.]. Однако она возникла первоначально не в Восточной, а в Западной Сибири. В начале XIX в. в Пановской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии была основана деревня Рыжково.

К сожалению, до сих пор точно не установлены ни дата основания колонии, ни национальность ее первых поселенцев. Здесь существует несколько версий. Так, например, в «Записке касательно духовного призрения ссыльнопоселенцев Евангелического вероисповедания в Сибири», датированной 29 сентября 1859 г., говорилось, что Рыжково с самого начала было назначено местом пребывания для ссыльнопоселенцев. Однако первыми поселенцами там были финны, переселенные туда по собственному желанию в 1803 г.; лишь с 1820 г. водворялись в Рыжково и ссылки, и только по высочайшему повелению, последовавшему в 1845 г., эта деревня была назначена сборным местом лютеран, ссылаемых в Западную Сибирь [2, л. 138].

Чуть позже тобольский губернский евангелическо-лютеранский проповедник пастор Ф.В. Майер в рапорте на имя генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда писал, что колония Рыжково была основана в 1805 г. помещичьими финскими крестьянами, которые с соизволения императора Александра I добровольно переселились в Сибирь из-за разногласий, возникших между ними и их помещиками [2, л. 32].

В 1878 г. известный общественный деятель, один из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцев опубликовал в газете «Неделя» статью «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири», где указал, что Рыжковская колония была основана в 1809 г. По его мнению, первые переселенцы (несколько семей из помещичьих крестьян лютеранского вероисповеда-

ния) были «доброй нравственности» и трудолюбивы. С 1845 г. к колонии начали причислять преступников-лютеран [3].

В 1918 г. А. Ниголь в монографии «Eesti asundused ja asupaigad Venemaal», написал, что Рыжково было основано в 1843 г. [4, 43 лк.].

В 1928 г. в Новосибирске вышел справочник «Список населенных мест Сибирского края», где указывается, что деревня Рыжково, расположенная в 235 километрах от Омска, была основана в 1799 г. [5, с. 146–147].

В 1930-х гг. проблемой лютеранских колоний занимались историки Латвийской республики. В частности, в многотомном издании «Latviešu konversācijas vārdnīca» говорится, что Рыжково (Rižkova) – самая старая латышская колония в Сибири, основали ее участники крестьянских восстаний в Видземе в 1802 г. [6, 17114 сл.].

Действительно, осенью 1802 г. в окрестностях Валмиеры, Буртниеки, Рауны и Цесиса произошли крупные волнения крестьян. Имение Каугуры (близ Валмиеры) стало центром вооруженного восстания крепостных. Восставшие требовали освобождения из-под власти немецких помещиков и причисления к государственным крестьянам, которые пользовались некоторыми гражданскими правами. Для подавления восстания правительство бросило значительные военные силы, включая артиллерию. Во время суда над вожаками восстания выяснилось, что некоторые крестьяне знали о революционных событиях во Франции [7, с. 120].

В 1966 г. омский историк А.Д. Колесников высказывал мнение, что деревню Рыжково основали эстонские крестьяне в 1804 г., сосланные в Сибирь годом раньше из Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии за восстание против барона фон Унгерн-Штернберга [8, с. 100].

Однако исследователь из Петрозаводска В. Злобина считает, соглашаясь с указанной выше датой основания колонии, что ссылки ямбуржцы были не эстонцами, а корлаками-ижорцами и ингерманландскими финнами, которые близки по языку к ижорцам, но отличаются от них лютеранским вероисповеданием [9, с. 87–91]. Эту точку зрения разделяет и таллиннский лингвист Ю. Вийкберг [10, с. 4].

В 1980 г. в сборнике «Проблемы исторической демографии СССР» латышский историк Х. Стродс фактически повторил версию своих соотечественников, написав, что деревня Рыжково со смешанным финско-латышско-эстонско-немецким населением

была основана в 1802 г. По мнению автора, жители ее были в основном либо уголовными преступниками, либо политическими ссыльными, попавшими в Сибирь за участие в крестьянских восстаниях, бегство от рекрутского набора и др. [11, с. 185]

А. Корб в исследовании этнографии сибирских эстонцев делает исторический экскурс развития эстонских поселений и склоняется к тому, что колония Рыжково была основана финнами-ингерманландцами, а приселение ссыльных эстонцев начинается только с 1820-х гг. [12, 322–323 lk.]

На наш взгляд, последняя версия наиболее обоснованна, ибо само название деревни происходит от слова «Рига» (*Rīga – Rīžkova*) [1, 36375. sl.]. Вероятно, первую лютеранскую колонию в Западной Сибири основали ссыльные видземцы – участники Каугурского восстания 1802 г. Позже в Пановскую волость прибыли ингерманландцы.

В начале 1820-х гг. группа протестантских пасторов (Иоганн Густав Лютер, Росини, Пундани и др.) обратились к царю Александру I с просьбой собрать всех ссыльных лютеран – шведов, финнов, эстонцев, латышей и немцев в одном месте, чтобы приобщить их «к честной жизни». В 1845 г. по указу царя Николая I все ссыльные лютеранского происхождения должны были переселиться в Рыжково и впредь селиться только в этой деревне, хотя до указа лютеране приписывались к Рыжковской колонии добровольно [10, с. 3]. Тобольская губернская администрация выделила колонистам 18 тыс. дес. земли [1, 36375. sl.].

Однако население Рыжково постоянно пополнялось. По одним данным, в 1846 г. там жили 900, а в 1859 г. 1653 чел. [8, с. 100; 10, с. 4], а по другим, в 1859 г. в колонии проживали 1300 жителей, и ежегодный прирост составлял 50–60 чел. [2, л. 138]. При таком перенаселении колонистам не хватало не только земли, но и необходимого инвентаря, а также рабочего скота и лошадей. Более того, деградировали и приходили в упадок существовавшие ранее промыслы и ремесла. В частности, в записке президента евангелическо-лютеранской консистории барона Е.О. Мейендорфа отмечалось, что с увеличением населения здесь исчезают скотоводство, садоводство и добывание дегтя [2, л. 138]. (Что касается садоводства, то Е. Мейендорф в данном случае ошибался, так как эта отрасль появилась на территории нынешнего Крутинского района Омской области лишь в середине XX в.).

Положение усугублялось еще и тем, что после указа 1845 г. в Рыжкове появились «распутные бродяги», а также распространились драки, пьянство и воровство. Люди разных национальностей не уживались между собой [1, 36375 sl.; 10, с. 4]. Ввиду всех этих обстоятельств к 1859 г. от главной колонии отделилось 4 побочных: Казулино – в 45, Макарево – в 108, Боярка – в 147 и Бутаково в 333 верстах, жители которых, «не найдя в Рыжкове пропитания, лишились таким образом бли-

жайшего духовного призрения со стороны пастыря» [2, л. 138]. По другим данным, вместо указанного поселения Бутаково возникла деревня Бугене (Пудене), причем датой ее основания считается 1847 г., когда после крупного пожара в Рыжково в 1846 г. многие колонисты переселились на новые места [10, с. 4].

Тобольский губернский евангелический лютеранский проповедник пастор Ф.В. Мейер и президент Евангелическо-лютеранской консистории барон Е.О. Мейендорф, чтобы облегчить положение колонистов, стали ходатайствовать о создании более крупного поселения для них. В частности, 29 сентября 1859 г. Ф.В. Мейер сообщил генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду, что выбрал место для новой лютеранской колонии. Это место находилось в Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии на р. Оми в 80–100 верстах к востоку от Омска, в 150–200 верстах к юго-востоку от Рыжково и в 30 верстах от ближайшей русской деревни. По мнению барона Мейендорфа, в тех местах при довольно возвышенном местоположении располагались хорошие поля, почва по большей части была покрыта густым березовыми хвойным лесом, там существовали все условия для процветания будущей колонии. Ф.В. Мейер задумал основать три деревни – эстонскую, финскую и латышскую [2, л. 56].

В 1861 г. на левом берегу реки Оми возникло 4 поселения. Эстонцы основали деревню Ревель (*Viruküla*), латыши – д. Рига (*Rīga*), шведы и финны из Финляндии – д. Гельсингфорс (*Helsingfors*), а ижорцы и финны из Ингерманландии – д. Нарва (*Narva*) [2, л. 197; 10, с. 5]. К 1864 г. там уже проживали 25, 25, 44 и 18 семейств соответственно.

Появились в Еланской колонии и ссыльные. Это были в большинстве своем эстонские крестьяне, участники антикрепостнических выступлений 1858 г. Наибольшим размахом и ожесточенностью отличалось выступление крестьян в местечке Махтра, в Северной Эстонии. Для его подавления правительство направило крупные воинские части. По распоряжению Александра II участники восстания были преданы военному суду. По приговору 33 крестьянина получили от 70 до 600 шплицрутен и были направлены на поселение в Сибирь [13, с. 42].

Материальное положение большинства колонистов было очень тяжелым. 110 хозяйств (включая все 16 хозяйств ссыльных) ходатайствовали о выделении им денежного пособия на общую сумму 3045 руб. в рассрочку на 7 лет. Многие семьи вообще не обзавелись хозяйством, а в деревне Гельсингфорс из 63 хозяйств в наличии были только 29, а остальные находились в «бегах» [2, л. 305–317]. Однако вместо требуемых 3045 руб. колонисты получили только 480 руб. из расчета по 30 руб. на семейство [2, л. 305–317]. Ввиду этого, а также из-за систематического спаивания колонистов к концу 1870-х гг. лютеранская колония на Оми пришла в полный упадок.

В 1840–1850-х гг. возникли эстонские и латышские поселения и в Восточной Сибири. По данным И. Тынуриста [14, с. 39–41], в 1848 г. каторжные ссыльные, отбывавшие срок наказания в Минусинском остроге, основали деревню Верхний Суэтух, в 1859 г. возникла Нижняя Буланка, а в 1861 г. – Верхняя Буланка.

Иную версию выдвигает Ю. Вийкберг, ссылаясь на труды В. Гаупта. Он считает, что Верхний Суэтух основал ссыльный Юри Кулдмяэ из Пылтсамаа в 1850 г. В 1852 г. здесь было уже 7 хозяйств [10, с. 5–6; 15, с. 16–18; 16, с. 58–60].

Однако власти использовали Верхний Суэтух как место ссылки: с 1857 г. в эту деревню стали ссылать уголовных преступников. Так же, как и в Рыжково, представители разных национальностей здесь не ладили между собой. В 1858 г. отделились латыши и основали Нижнюю Буланку (позже туда прибыли немцы), в 1861 г. эстонцы основали Верхнюю Буланку, а в Верхнем Суэтухе остались в основном финны [16, с. 64–66]. В 1864 г. там числилось 55 хозяйств, в перечне душ – 387 чел., в Верхней Буланке соответственно 54 и 306, в Нижней Буланке – 59 и 429 чел. [16, с. 68–69]. Но большинство ссыльных были людьми беспокойными, многие из них отправлялись на заработки на золотые прииски, часть нанималась в качестве ремесленников, часть просто бродяжничала. Например, из 212 финнов, прибывших в Верхний Суэтух за 1861–1864 гг., действительно обосновались там лишь 16; в Верхней Буланке из 171 эстонца – 54, в Нижней Буланке из 185 латышей – 31 [16, с. 67–68].

Таким образом, в Восточной Сибири наблюдался тот же процесс распада лютеранских колоний, что и в Западной Сибири. Попытка царской администрации и Евангелическо-лютеранской консистории создать колонии ссыльных лютеранского вероисповедания в Сибири потерпела крах. На наш взгляд, это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, большинство колонистов было сослано в Сибирь за уголовные и административные нарушения закона и, находясь в подневольном положении, не имело стимула к производительному труду, а порой питало к нему отвращение. Во-вторых, по истечении срока наказания большая часть ссыльных стремилась не столько обзавестись хозяйством в Сибири, сколько вернуться на родину. Об этом, в частности, свидетельствует дело Егора Томаса, крестьянина из Рыжкова, который в течение нескольких лет вместе с женой писал прошения, в том числе и на Высочайшее имя, с просьбой вернуться в Эстляндскую губернию [17]. В-третьих, недальновидная и непоследовательная политика губернских властей также вела к разорению колонистов. С одной стороны, много делалось для создания новых колоний и «духовного призрения» за ними, с другой – поощрялось спаивание поселенцев, им отказывали в денежном пособии в тот момент, когда они больше всего в нем нуждались, и т.д.

В 1880–1890-х гг. начался этап добровольного переселения крестьян в Сибирь.

Для развития переселенческого движения нужны были, во-первых, демографические предпосылки – относительное перенаселение. Эти предпосылки в Латвии проявились уже во второй половине XVIII в. Во-вторых, необходимы были социально-экономические предпосылки. Социально-экономическое угнетение, тщетность надежд на улучшение своего положения и нехватка земли в период феодализма его поздней стадии были налицо и явно увеличивались. В-третьих, требовались юридические предпосылки перенаселения, они были созданы законами 1817–1819 гг. об освобождении крестьян. Так, император Александр I подписал законы о безземельном освобождении крестьян от крепостной зависимости 23 мая 1816 г. для Эстляндии, 25 августа 1817 г. для Курляндии и 26 марта 1819 г. для Лифляндии [7, с. 128].

Однако крестьянам не была обеспечена свобода в буржуазном понимании этого слова, и поэтому им приходилось завоевывать право на переселение из одной губернии в другую. Официально Положение 1849 г. о крестьянах Лифляндской губернии разрешало им менять место жительства [11, с. 195], однако это право было ограниченным. Таким образом, переселенческое движение, так же, как и становление капитализма вообще, тормозилось существующими общественными и правовыми отношениями [11, с. 199–200].

По данным А. Вассара, число крестьян, фактически переселившихся в 1855–1863 гг. из Эстонии во внутренние губернии России, из-за чинимых препятствий и прочих трудностей оказалось незначительным и составило соответственно 0,3–0,8% от численности сельского населения Эстонии [18, 215 lk.].

Тем не менее переселение началось, и если в 1850–1859 гг. в России было основано 5, то в 1860–1869 гг. – 40 латышских колоний. В 1860-х гг. были также основаны 25 эстонских колоний (вместе с русскими деревнями, куда вселились латыши и эстонцы).

Однако в 1860–1870 гг. переселенцы направлялись в основном в Европейскую Россию. Так, в 1863–1865 гг. один из руководителей младолатышей Кр. Вальдемар организовал переселение крестьян из Курляндии в Новгородскую губернию. Переселилось 1542 крестьянина, что составляло 51,8% всех желающих. Остальные были в основном батраки, которые не имели денег на покупку земли и устройство хозяйства [11, с. 198–199]. В этот же период отдельные латышские поселения появились в Витебской, Могилевской, Воронежской губерниях и на Кубани (по данным [6, 17113–17142 sl.]).

Сибирское направление переселения в этот период оставалось второстепенным. В 1860–1869 гг. в Сибири появилось 4 латышских колонии (10% от числа всех основанных в России) и 2 эстонских (8%), причем все они были основаны ссыльными, а в 1870–1879 гг. прибалтийских поселений в Сибири вообще не было

основано (подсчитано автором по [19, с. 69; 4, 1–92 лк.; 6, 17113–17142 сл.]).

Остается пока неясным вопрос о дате основания деревни Ковалево Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Так, авторы заметки в «*Latviešu konversācijas vārdnīca*» пишут, что Ковалево (Kovaleva) было основано латышами, выходцами из Еланской колонии в 1864 г. [6, 17114. сл.] (А. Ниголь писал, что деревню основали эстонцы в 1890 г. Эту же версию отстаивает и Ю. Вийкберг [4, 41 лк.; 10, с. 8]. В «Списке населенных мест Сибирского края» указано, что деревня возникла в 1884 г., и к 1928 г. большинство жителей были эстонцами [5, с. 130–131].

И.В. Лоткин долгие годы склонялся к той точке зрения, что первыми жителями Ковалева были латыши, но впоследствии, в 1890-х гг., в этой деревне появились эстонские колонисты и возобладали там численно. Однако его последние исследования опровергли это мнение. В «Списке населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольской губернии» [20] среди поселений Омского округа нет деревни Ковалево. Следовательно, это поселение не могло возникнуть в 1864 г., и, скорее всего, оно появилось в 1880-х гг.

Период с 1880 по 1895 г. ознаменовался бурным развитием капитализма в Прибалтике как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. В этих условиях усугубилось социальное расслоение латышского и эстонского крестьянства. Социальная дифференциация характеризовалась следующими факторами: 1) наличием высокого процента сельскохозяйственного пролетариата; 2) незначительным числом бедных и средних крестьян, которые пользовались землей на правах собственников или арендаторов; 3) весьма сильным слоем средней и крупной сельской буржуазии. В Эстонии, например, 60–66% крестьянства не имели земли и кормились продажей рабочей силы. Сельский пролетариат и бобыли составляли 72,5% всего населения, а зажиточное крестьянство, составлявшее 15,4% населения, владело 70% земли [13, с. 362].

Указанные выше факторы создавали демографические предпосылки для миграции во внутренние районы страны. Но, во-первых, жизненный уровень сельскохозяйственного пролетариата в конце XIX в. был очень низок. Так, заработная плата в кулацких усадьбах при продолжительном рабочем дне на хозяйских харчах составляла в 1880-х гг. лишь 60–80 руб. в год, батрачкам платили около 40 руб. [7, с. 128]. В первой половине 1890-х гг. положение не изменилось. В 1895 г. газета «Прибалтийский листок», ссылаясь на газету «Сакала», сообщала, что в Феллинском уезде Эстляндской губернии жалованье годового работника колебалось от 65 до 90 руб., а работницы – от 35 до 50 руб. [21]. Все это существенно затрудняло миграцию – у батраков зачастую не было средств для переселения.

Во-вторых, в этот период в Прибалтике, особенно в Латвии, быстро росла промышленность, поглощавшая

значительное количество рабочих рук, что также препятствовало эмиграции из прибалтийских губерний. Так, в Риге и некоторых других городах строились металлообрабатывающие, вагоностроительные и химические предприятия, росла текстильная промышленность [22, с. 143]. Это также препятствовало переселению из Прибалтики в европейскую часть России и Сибирь. Поэтому переселение в Сибирь из Лифляндской и Курляндской губерний через Тюмень было крайне незначительным.

Основную массу переселенцев в этот период составляли жители Латгалии (Двинский, Режицкий и Люцинский уезды Витебской губернии). Аграрный строй Латгалии несколько отличался от аграрного строя Лифляндской и Курляндской губерний. Положение латгальского сельского населения было крайне тяжелым. Большинство крестьян жило в ветхих избах, впроголодь и в нищете. Обычно хлеба им хватало только до нового года [7, с. 191–192]. Все это приводило к тому, что крестьяне бросали свое имущество и бежали в Сибирь, где в 1896 г. ими была основана деревня Плетнево или Елизаветино. Переселенцы из Латвии в 1893 г. основали деревню Латышево (по данным [6, 17113–17142 сл.]).

Существенно содействовало процессу переселения строительство Сибирской железной дороги, которую открыли для передвижения в 1894 г. [10, с. 8].

В 1897 г. в Сибири уже проживало 6768 латышей и 4082 эстонца [23, с. 33, 44]. Большинство выходцев из Прибалтики обосновалось в Тобольской губернии, где осело 3283 латыша (48,5% от числа всех проживавших в Сибири) и 2047 эстонцев (50,1%). Крупнейшими населенными пунктами сибирских латышей и эстонцев были деревни Золотая Нива Покровской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии (432 эстонца), Ковалево Локтинской волости Тюкалинского уезда (380 эстонцев и 112 латышей) и оправившаяся от эпидемии и пожара Рыжковская колония (519 латышей и 381 эстонец) [23, с. 96–97].

Только в Тарском и Тюкалинском уездах проживало 3112 латышей, 1947 эстонцев, 110 литовцев, 888 финнов [8, с. 101].

Крестьянство Литвы, которая в конце XIX в. включала Ковенскую губернию, три уезда Виленской, пять уездов находившейся в подчинении варшавского генерал-губернатора Сувалкской, а также небольшую часть Курляндской и Гродненской губерний, также испытывало трудности с землей. По этой причине за 1868–1915 гг. из Литвы эмигрировало около четверти населения [24, с. 19]. Характерной особенностью литовцев в Сибири являлось то, что большая их часть обосновалась в городах.

По данным М.Н. Колоткина, среди зарегистрированных переселенцев Томской губернии в 1894 г. был 41 двор литовцев из Ковенской губернии, которые основали в окрестностях Томска и Каинска 5 отдельных поселков [24, с. 17].

Мы же отметим, что наибольшее число переселившихся в сельские районы Сибири литовцев обосновалось в Каинском округе Томской губернии, что видно из таблицы.

Если принять во внимание, что всего в Каинском округе в тот момент насчитывалось 606 литовцев (326 мужчин и 280 женщин) [23, с. 252–253], то в шести поселениях, указанных в таблице, проживало 59,7% от их общей численности.

Анализируя данную таблицу, можно сделать следующие выводы:

1) литовские поселения в Западной Сибири с самого начала их существования складывались как полиэтничные;

2) только в двух деревнях Каинского округа (Байсоголь и Шадова) литовцы составляли большинство населения, в остальных поселениях численно преобладали русские или латгальцы, а удельный вес литовцев не превышал 15%;

3) в тех деревнях, где литовцы численно преобладали, они селились с единоверцами-католиками – латгальцами и поляками [23, с. 264–267], поэтому мы можем утверждать, что и литовские поселения в Сибири возникали главным образом по этноконфессиональному признаку.

В 1896–1897 гг. переселенческое движение из Латвии в Сибирь достигло своего апогея. В 1897 г. в России возникло 73 латышских колонии (по данным [6, 17113–17142 сл.]), а всего за период с 1890 по 1899 г. в России латышами было образовано 189 колоний, из которых 126 (66,7%) были в Сибири (подсчитано автором по [19, с. 69; 6, 17113–17142 сл.]).

Активно шел процесс переселения из Эстонии.

В 1895–1900 гг. в России было основано 23 эстонских деревни, а в 1899 г. эстонцы дошли до побережья Тихого океана, где образовалась деревня Новая Ливония (Liivküla) [25, с. 10; 10, с. 8].

Переселялись в Сибирь в эти годы и латгальские крестьяне. В конце XIX в. в районах Минусинска, Красноярска, Томска, Барабинска и Ачинска возникло немало колоний, основанных переселенцами из Латгалии. В 1896–1900 гг. через Челябинск в Сибирь проследовало более 43 тыс. поселенцев и ходоков из Витебской губернии, многие из которых были из Латгалии. Латгальцы уходили в Сибирь не только семьями, но и целыми деревнями. Некоторые продавали усадьбу и землю по 10, 20 и 30 руб., а другие просто бросали ее. Часть переселенцев, истратив по дороге средства, не могла устроиться на новых местах и, окончательно разорившись, вынуждена была вернуться на прежнее место жительства [26, с. 369].

Неконтролируемое переселение крестьян за Урал вызвало беспокойство царской администрации в центре и на местах, так как помещичьи усадьбы лишались рабочих рук. Так, еще 4 февраля 1897 г. в Риге вышел циркуляр за подписью Лифляндского губернатора, где до сведения населения доводился приказ министра внутренних дел принимать самые строгие меры по отношению к самовольным переселенцам и не давать им земли в Сибири. Мотивировалось это истощением запаса свободных земель [27, Л. 104–105].

Но это не остановило переселения. В марте-апреле 1897 г. из Юрьевского и Верроского уездов Лифляндской губернии в Сибирь выехало более 500 чел., причем 15 марта на станции Анцен произошли столкновения между уезжающими крестьянами и полицией [27, Л.

Численность и национальный состав населения поселений Каинского округа Томской губернии
с компактным литовским населением в конце XIX в.*

Волости и населенные пункты	Национальный состав							
	литовцы		русские		латгальцы		другие национальности	
	численность	%	численность	%	численность	%	численность	%
Кыштовская волость: деревня Воробьево	35	9,6	297	81,1	-	-	34	9,3
Покровская волость: деревня Назарово	41	5,6	591	82,0	-	-	89	12,4
Усть-Тартасская волость: посёлок Франополь	46	14,3	2	0,6	261	81,1	13	4,0
деревня Байсоголь	101	82,1	-	-	12	9,8	10	8,1
деревня Шадова	106	71,1	-	-	41	27,5	2	1,4
Шипицинская волость: слобода Михайловка	33	6,3	335	63,9	156	29,8	-	-
Всего	362	16,4	1225	55,6	470	21,3	148	6,7

*Подсчитано автором по [23, с. 264–267]

76–77, 79, 80, 85, 89, 90]. Но уже 15 мая 1897 г. около 200 крестьян вернулось на родину, так как земли в Сибири они не получили, а в Челябинске им пришлось жить в тяжелых условиях [27, Л. 90, 98].

Е.И. Муравская, анализируя профессиональный и национальный состав переселенцев из Лифляндской и Курляндской губерний во второй половине 1890-х гг., отмечает, что по профессиональной принадлежности подавляющее большинство переселявшихся составляли земледельцы. Условно из этого состава можно выделить рыбаков. Изредка встречались среди подавших прошения о переселении ремесленники: кузнец, столяр, портной, сплавщик леса.

По национальному составу переселялось почти исключительно латышское и эстонское крестьянство, среди них изредка встречались русские, но они были не крестьянами, а ремесленниками.

Впрочем, автор уточняет, что эти данные и выводы, сделанные на ограниченном источниковедческом материале, ни в коем случае не могут раскрыть всесторонне процессы социально-демографического характера в переселенческом движении крестьян. Вместе с тем они позволяют заметить наиболее симптоматичные явления социально-экономических изменений в капиталистических условиях прибалтийской деревни и вовлеченность латышского и эстонского крестьянства в процессы распространения капитализма на окраины России [19, с. 78–79].

Всего с 1850 г. до начала XX в. из Латвии во внутренние губернии России и в Сибирь (не считая выбывших в Африку, США и Аргентину) переселилось 300 тыс. чел. (15,5% населения края) [11, с. 191]. По данным переписи 1897 г., там находилось более 102 тыс. латышей, что составляло 7,1% от общего числа латышей, живших в Российской империи [28, с. XI].

Эстонцев к концу XIX в. во внутренних губерниях России и в Сибири насчитывалось 110 тыс. чел. (11% от общего числа эстонцев) [18, 215 лк.].

В начале XX в. наблюдалось стремление правительства направить колонизацию в таежные районы Тобольской, Томской и Енисейской губерний. Это было связано с тем, что Ишимский и Тюкалинский уезды на 91–94% были заселены, и оставалось два направления – таежное и степное. Но районы Ишимской, Кулундинской, Барабинской и Бельгагачской степей либо были абсолютно непригодны для освоения, либо заселены выходцами с Украины и Южнорусских губерний, что и было зафиксировано несколькими комиссиями [29, с. 199–211; 19, с. 89–90].

В 1903 г. на Тарский переселенческий пункт прибыли 12 семей из Гробиньского уезда Курляндской губернии. Они отправились на закрепленный ходаками Верхне-Ишишевский участок Седельниковской волости. Там они стали строить жилище и расчищать пашню, а затем оказались в Поповско-Бобровской даче по реке Лиственничной, самовольно заняв участки [19, с. 93].

Всего в 1900–1904 гг. из Лифляндской губернии в Сибирь переселилось 3075 человек, а из Курляндской – 390 [19, с. 68]. В латышской части Лифляндской губернии наибольшее число крестьян переселилось из Валкского, Веденского и Рижского уездов, в эстонской – из Юрьевского и Верровского. Из Курляндской губернии в основном шли в Сибирь крестьяне Дундагского, Илукстского и Гробиньского уездов [19, с. 71].

Столыпинский указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший выход крестьян из общины, придал новый импульс добровольному переселению в Сибирь. Хотя Прибалтийский край относился к старым районам хуторского расселения, переселение из Прибалтики в Сибирь в 1907–1909 гг. значительно возросло. Так, за указанный период из Лифляндской губернии в Сибирь переселился 5041 человек, а из Курляндской – 1196 [19, с. 68].

Большинство выходцев из Прибалтики селилось в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях. Так, в Тобольской губернии обосновалось 3308 человек из Лифляндской губернии, что составляло 29,8% от числа уроженцев этой губернии, переселившихся в Сибирь и на Дальний Восток, 1785 г. – из Курляндской (59,8%) и 373 – из Эстляндской (11,1%) [30, с. 230].

Всего в 1900–1909 гг. в России возникло 102 латышских колонии, из которых 39 (38,2%) было в Сибири (подсчитано автором по [19, с. 69; 6, 17113.–17142. сл.]). Самой крупной из вновь образованных поселений была Латышская деревня (Latviešu ciems) в Томской губернии (по данным [6, 17113.–17142. сл.]).

Что же касается переселения в Сибирь эстонцев, то оно в первое десятилетие XX в. достигло своего апогея. Всего в России в этот период возникло 75 эстонских колоний, 44 из которых (58,7%) было в Сибири (подсчитано автором по [4, 1–92 лк.]). А. Ниголь выделяет 1907–1909 гг. в особый этап. По его словам, именно в это время после прихода к власти реакции, карательных экспедиций и дальнейшего перераспределения земли в Эстонии в пользу немцев, народ окончательно потерял надежду на обретение «земли и воли» на родине, началось массовое переселение в Вологодскую губернию и в Сибирь [4, 11 лк.].

Действительно, в эти три года в Западной Сибири возникли крупные эстонские колонии. В Тобольской губернии в 1907 г. появились деревни Березовка (Kaseküla), Розенталь и Нарва, в 1908 г. – Семеново и поселок Калачевский, в 1909 г. – Васюган, Арукюла и Высокогивенск. В Томской губернии в 1907 г. было основано село Медодат, в 1908 г. – Вамбола, Койдула, Мальково, Будово и др. [4, 42, 43, 46, 50, 52, 53 лк.].

Очень часто формой поселения в колониях прибалтийских народов служил хутор. Только в районе Екатерининской лесной дачи, расположенной недалеко от Тары, в 1928 г. существовало 47 эстонских и 11 латышских хуторов, значительная часть которых возникла в указанный период [5, с. 22–25].

В 1910–1914 гг., несмотря на возникновение новых латышских и эстонских поселений в Сибири увеличился удельный вес обратного переселения. В указанный период из Прибалтийских губерний в Сибирь прибыло 4274 чел., а обратно уехали 1248 чел., что составило 29,2% от числа всех прибывших [31, с. 112]. Переселенческое движение в этот период идет на убыль.

Причиной, заставлявшей прибалтийских переселенцев покидать Сибирь, была неразвитая инфраструктура края, удаленность переселенческих участков от крупных населенных пунктов. Например, Северно-Каинский подрайон Каинского уезда Томской губернии располагался в 80–100 верстах от железной дороги, а Тотош-Шегарский подрайон Томского уезда – в 130–200 верстах [32, с. 6, 9]. Медицинская помощь за редким исключением либо отсутствовала, либо ограничивалась фельдшерскими пунктами. Так, например, врачебный участок Енисейского губернского управления Красноярского края обслуживал 63 селения, которые все, за исключением одной деревни, находились в тайге [33, с. 504].

Таким образом, путем добровольного переселения в Сибирь в 1896–1914 гг. прибыло более 20 тыс. выходцев из Прибалтийских губерний. На наш взгляд, эта цифра сильно занижена, ибо здесь не учтены латгалцы, проживавшие в Витебской губернии. Кроме того, в Сибирь переселялись эстонцы из Европейской России. Так, например, в селе Лифляндка Акмолинского уезда и области осели эстонцы из Самарской губернии, а в поселке Петровск Ново-Черкасской волости Акмолинской области – из Самарской и Уфимской губерний и Крыма [4, 41 lk.].

Латышские, латгальские и эстонские поселения были разбросаны на огромном пространстве от Урала до Тихого океана. Деревням давали названия, которые напоминали поселенцам родину (эстонские – Эстония, Лифляндка, Оравская деревня (Oravaküla), латышские – Лиепая, Курземе, Митава (по данным [4, 1–92 lk.; и 6, 17114–17142 sl.])).

В 1914 г. началась Первая мировая война. В 1915 г. военные действия развернулись на территории Латвии. В апреле 1915 г. германские войска заняли Либаву (Лиепая), а в октябре того же года линия фронта стабилизировалась в 20–30 километрах от Риги. В этих условиях в Москву, Петроград и на юг России были

эвакуированы крупнейшие промышленные предприятия, и тысячи беженцев устремились из Латвии во внутренние районы страны.

По данным А. Спреслиса, в 1916 г. во внутренних губерниях России насчитывалось 492954 беженца из Латвии. Из них в Сибири и на Дальнем Востоке находилось 3208 беженцев, что составляло 0,65% от их общего числа [34, 23–29 lpp.].

Новых прибалтийских поселений в сельской местности в Сибири в 1914–1917 гг. почти не возникало. В Тобольской губернии в 1916 г. была основана латышская деревня Балтия, а в 1917 г. – эстонская деревня Уускюла (Uusküla) [4, 41 lk.; 6, 17114–17142 sl.].

Таким образом, в 1802–1917 гг. в Западной Сибири в основном сложился массив колоний переселенцев из Прибалтики. Он складывался за счет уголовной и политической ссылки, добровольного крестьянского переселения в Сибирь и в меньшей степени за счет иммиграции беженцев Первой мировой войны. По данным А. Спреслиса, уже в 1914 г. в сельских районах Сибири насчитывалось 65 тыс. латышей, а в городах – 2,5 тыс. чел. Кроме того, в различных районах края находилось 2,5 тыс. политических ссыльных из Латвии. В годы Первой мировой войны в Сибири появились еще около 3–4 тыс. латышских беженцев. Следовательно, в общей сложности в 1917 г. в Сибири находилось 73–74 тыс. ссыльных, беженцев и переселенцев из Латвии, что составляло примерно 8,4% от общего числа латышей, находившихся в России за пределами основной этнической территории [34, 29–34. lpp.]. Из 415 латышских колоний, возникших в России в 1850–1917 гг., в Сибири было основано 186, что составляло 44,8% (подсчитано автором по [19, с. 69; 6, 17113.–17142. sl.])).

Что же касается эстонцев, то всего в 1860–1917 гг. (вместе с поселениями, у которых не указан год основания) в России в сельской местности было основано 280 эстонских поселений, из них в только в Западной Сибири находилось 67, что составляло 23,9%, а из 231 колонии с указанным годом основания в Сибири за данный период возникло 73 (31,6%) (подсчитано автором по [4, 1–92 lk.]). Таким образом, именно Сибирь была одним из главных направлений миграции у всех прибалтийских народов.

Библиографический список

1. Rižkova // Latviešu konversācijas vārdnīca. – Rīga, 1938–1939.
2. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 3. – Оп. 3. – Д. 4936.
3. Ядринцев, Н.М. Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири / Н.М. Ядринцев // Неделя. – 1878. – №3.
4. Nigol, A. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal / A. Nigol. – Tartus, 1918.

5. Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928.
6. Kolonijas latviešu // Latviešu konversācijas vārdnīca. – Rīga, 1933.
7. История Латвийской ССР (с древнейших времен до 1953 г.). – Рига, 1955.
8. Колесников, А.Д. О национальном составе населения Омской области / А.Д. Колесников // Материалы к третьему

науч. совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966. – Вып. II.

9. Злобина, В. Кто такие корлаки? / В. Злобина // Советское финно-угроведение. – 1971. – №2.

10. Вийкберг, Ю. Эстонские языковые островки в Сибири. (Возникновение, изменения, контакты) : препринт ИЯО-41 / Ю. Вийкберг; АН Эстон. ССР. Отд-ние обществ. наук. – Таллинн, 1986.

11. Стродс, Х. Основные этапы и причины начала массового переселения латышских крестьян в другие губернии России в 40–60-х годах XIX в. / Х. Стродс // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск, 1980.

12. Korb, A. Eesti asundused III. Seitse küla Siberis / A. Korb. – Tartu, 1998.

13. История Эстонской ССР. – Таллин, 1966. Т. 2.

14. Тынурист, И. Современные эстонцы и латыши Минусинска / И. Тынурист // V Всесоюзная студенческая конференция : тез. докл. – Вильнюс, 1967.

15. Гаупт, В. Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа / В. Гаупт // Русское географическое общество. Записки Сибирского отдела. – Иркутск, 1864. – №7.

16. Гаупт, В. Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа. 1850–1865 гг. / В. Гаупт // Вторая памятная книга Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. – СПб., 1865.

17. ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 5677.

18. Vassar, A. Uut maad otsimas. Agraarne umberasumislükumine Eestis kuni 1863 aastani / A. Vassar. – Tallinn, 1975.

19. Муравская, Е.И. Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. / Е.И. Муравская. – Рига, 1986.

20. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольской губернии. – СПб., 1871.

21. Прибалтийский листок. – 1895. – №9.

22. Всемирная история. – М., 1960. – Т. VII.

23. Патканов, С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С.К. Патканов. – СПб., 1911. – Т. II.

24. Колоткин, М.Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа / М.Н. Колоткин. – Новосибирск, 1994.

25. Маамяги, В. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. / В. Маамяги. – М., 1990.

26. Очерки экономической истории Латвии. 1860–1900 гг. – Рига, 1972.

27. Государственный исторический архив Эстонии (ЕАА). – F.337. – №1.

28. Всеобщая перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 2.

29. Минжуренко, А.В. Заселение и хозяйственное освоение крестьянами-переселенцами степной полосы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / А.В. Минжуренко // Проблемы исторической географии России. – М., 1982. – Вып. II.

30. Турчанинов, Н. Характерные черты русского переселения до проведения сибирской железной дороги и в последующий за ее проведение период / Н. Турчанинов // Вестник колонизации. – СПб., 1912. – №11.

31. Скляров, Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Скляров. – Л., 1962.

32. Справочная книжка для ходоков по Томскому переселенческому району на 1914 г. – Томск, 1913.

33. Степынин, В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В.А. Степынин. – Красноярск, 1962.

34. Spreslis, A. Latviešu sarkangvardi cīņā par padomju varu 1917–1918. gadā / A. Spreslis. – Rīga, 1987.